

Алексей Макаров

НЕЛЬСОН

Морские рассказы

Алексей Владимирович Макаров Нельсон. Морские рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28062622

ISBN 9785449008527

Аннотация

На каждом судне есть судовые механики. Их труд для постороннего взгляда незаметен. Их работа тяжела и неблагодарна. Находясь в машинном отделении, они остаются в стороне от общего внимания. Но и им присущи чувства обычных людей, особенно острые в море, в оторванности от дома, жён, детей и родителей. В первой книге из серии «Жизнь судового механика» рассказывается о работе механика и всех переживаниях, которые коснулись в какой-то степени и самого автора. Все совпадения имён и событий случайны.

Содержание

Введение	5
Нельсон	7
Жизнь судового механика	7
Глава первая	8
Глава вторая	21
Глава третья	31
Глава четвёртая	37
«Lady Bella»	56
Жизнь судового механика	56
«ШАТУРА»	84
Жизнь судового механика (начало)	84
Глава первая	85
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Нельсон
Морские рассказы

Алексей Владимирович
Макаров

© Алексей Владимирович Макаров, 2024

ISBN 978-5-4490-0852-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

В первой книге «Морских рассказов» автор коснулся необычной для читателя темы.

Эта тема для сухопутного человека немного чужда. Потому что не каждому человеку приходится проводить дни и месяцы, а иногда и годы, в открытом море, подвергаясь воздействиям стихии, с которой человек ещё до сих пор не может справиться.

Для большинства читателей море – это место для отдыха и развлечений.

А для некоторой категории людей – это суровый труд. От результатов этого труда многое зависит.

Для хозяина судна – целостность судна. Для фрахтователя – бесперебойная доставка грузов. А для самих моряков – успешное возвращение домой.

А самое главное – это жизнь моряков, а сохранность её и объединяет их всех в одно целое. Безопасность её, в какой-то степени, обеспечивают судовые механики.

Их труд незаметен. Судно вовремя пришло в порт – заслуга механика. Его за это никто не похвалит и не ободрит. Это просто его работа. Для этого и существует на судах должность судового механика, чтобы всё было безопасно и исправно.

Судно задержалось в рейсе или, не дай бог, потерпело ава-

рию – виноват механик. И тогда его взгреют по полной программе.

На море нет национальностей, которые порой разделяют многие государства. На море есть только одна национальность – это моряки. Они в любой ситуации протянут другу другу руку помощи и поделятся последней рубашкой.

В некоторых рассказах этой серии книг автор описывает события от первого лица. Но это только оттого, что автору было легче вжиться в образ героя очередного рассказа и ярче представить себе все события, которые были рассказаны автору его друзьями и знакомыми.

Да, отчасти это так и было. Но многое из того, что описано в «Морских рассказах», – это обычная морская жизнь, эпизоды которой, хотя и рассказаны от первого лица, произошли не только с самим автором, а и со многими его друзьями и знакомыми. Пусть они простят автора этих рассказов, что он их истории передал от своего имени.

Автор очень рад, что вы прочли эти строки. Значит, вам не всё так безразлично в этом мире.

Все события в этих рассказах являются плодом авторского вымысла. Все совпадения имён, дат, названий и сюжета являются случайными. Местоимение «Я» в данном тексте обозначает не Автора, а вымышленного персонажа.

*С уважением ко всем морякам и их семьям,
Алексей Макаров.*

Нельсон

Жизнь судового механика

Глава первая

Да, этот рейс оказался для меня одним из самых тяжёлых, которые были в моей жизни. Я чувствовал себя полностью вымотанным. Иногда создавалось такое впечатление, что я был отжатой тряпкой. Меня оставалось только повесить на ветру, и я бы болтался на нём без сопротивления и сушился.

Вот и сейчас, после того как «Кристина О» ошвартовалась в порту Ватерфорд, это поганое чувство меня не покидало.

После морского перехода, во время которого в проливе Святого Георга «Кристину» валяло, как ваньку-встаньку, она подошла к устью реки. Болтанка прекратилась, и до порта уже по глади реки пришлось идти ещё полтора часа вверх по течению. Иной раз я выходил из машинного отделения и вместе с Кразимиром, нашим поваром, смотрел на берега реки, перекидываясь незначительными фразами о том, как изменился облик окружающих холмов по сравнению с осенними пейзажами.

С тех пор как я приехал на судно в декабре месяце и по сегодняшней день рейс, так и оставался неизменным: Авенмаус – Ватерфорд.

И вот в этом самом Ватерфорде сейчас опять стоит ошвартованная «Кристина О». Я сидел в ЦПУ и ждал команды об окончании швартовки.

Володя, наш новый капитан, по громкой связи позвал меня:

– ЦПУ – мостик.

Я приподнялся с кресла и в тангетку ответил:

– Мостик – ЦПУ. На связи.

– Ну что, машине отбой! – бодрым и громким голосомскомандовал он. – Выводи главный. Приготовь всё к стояночному режиму. Продолжительность стоянки неизвестна.

– Понял, – вяло ответил я и отрепетовал: – Машине отбой, готовность суточная, – и в ожидании последующих указаний смотрел на тангетку.

Но в ответ ничего не последовало и, подвесив тангетку на крючок, пошёл останавливать насосы, обеспечивающие ходовой режим.

Поставив главный двигатель на обогрев и дождавшись, пока компрессор подкачает воздух в баллоны, прошёл к котлу и убедился, что он запустился в автоматическом режиме. И всё. Я могу спокойно покинуть машинное отделение. Контроль за работой механизмов в моё отсутствие осуществляется автоматикой.

В машине уже делать нечего. Поднявшись в ЦПУ, я сел в своё знаменитое кресло и закурил. Передохнув, поднялся на две палубы выше и вышел на главную палубу.

Судно стояло у причала контейнерного терминала, полностью огороженного колючей проволокой, а если потребуется выйти за его пределы, то оставался только проход вдоль при-

чальной линии. Все контейнеры стояли внутри этой колючки. Таким образом власти порта ограничивали доступ посторонних лиц к контейнерам.

Я посмотрел на небо. Погода истинно английская. Низкие облака, из которых временами сыпал мелкий и противный дождик, а над гребнями ближайших холмов висел туман. Такая хмарь как раз соответствовала моему паскудному настроению. На душе было мутно. Всё вокруг настолько отпротивело, что я не знал, куда бы себя деть.

Но тут с мостика, грохоча по трапам ботинками, спустился бодрый и довольный Володя.

– Что не весел? – походя поинтересовался он.

А я, понимая, что вопрос задан просто так, для проформы, пропыхтел:

– А что тут веселиться? Встали и ждём неизвестно чего.

Но он так же весело, скалясь белозубой улыбкой, ответил:

– Сегодня никаких грузовых операций не будет. Суббота!

Так что ждём завтрашнего утра. Оно-то нам точно принесёт какие-нибудь новости.

«Слава богу, – подумалось мне, – хоть этой ночью можно будет поспать спокойно в своей кровати».

Я посмотрел на Володю, а он уже и забыл, что только что говорил мне. Его одолевали свои мысли, которыми ежедневно занята голова капитана.

– Пойдём глянем, куда нас занесло, – предложил Володя.

– Пошли, – послушно согласился я, хотя за последние

несколько месяцев уже вдосталь нагляделся на красоты Ирландии.

Пройдя на противоположный борт, встали, оперлись о планширь фальшборта и тупо смотрели на серую гладь реки, по которой только что подошли к причалу.

На противоположном берегу виднелись какие-то разрушенные старинные строения, около которых плавали лебеди. Полюбовались на лебедей. Всё-таки какая это грациозная птица!

Помолчав, я поделился с Володей:

– Пойду я прогуляюсь по берегу. Тоска меня заела.

Он понимающе посмотрел на меня:

– Пошёл бы и я с тобой прогуляться, но есть другие дела, – и, подумав, добавил: – Ладно, иди один, а я займусь бумагами, чтобы хоть вечером немножко отдохнуть. Ты там с прогулкой не очень-то задерживайся. Я заказал агенту пузырьёк. Он скоро его привезёт. А филины уже готовят барбекю. Так что посидим здесь под тентом, пропустим по надцать граммук на зуб, – так же скалясь и улыбаясь, проинформировал он меня.

– Спасибо. Попробую не опоздать, – уже веселее ответил я и двинулся к трапу.

Филиппки как раз только что закрепили трап, вываленный чуть ли не до самой колючей изгороди контейнерного терминала.

Выйдя на причал, я прошёл мимо колючки, затем вдоль

старинных полуразрушенных строений, которым было лет по двести-триста. По всей видимости, здесь раньше стояли очень хорошие дома состоятельных людей, а сейчас от них остались только полуразрушенные стены. Межэтажные перекрытия и крыш у них давным-давно уже обрушились, а внутри стен росли только крапива с чертополохом – и больше ничего.

Пройдя вдоль мрачных развалин, я направился к дороге, ведущей на трассу, по которой грузовики вывозили контейнеры с терминала.

Сегодня вечером в субботу машин не было, но ворота остались открытыми. Только за стеклом будки виднелась голова охранника. Увидев меня, он махнул рукой, разрешая выйти с терминала, и я не спеша пошёл по дороге.

Куда надо идти, я не знал, потому что ещё не ходил по этой дороге, а только по карте видел, что до трассы тут около пары километров. Подумалось: «Пройдусь до трассы, а там посмотрим, что делать дальше».

Окрестности вокруг терминала я исходил ещё в начале весны, когда деревья и кустарник ещё не покрылись листвой, а сейчас вдоль дорожного полотна пробивались даже цветочки, проглядывающие своим разноцветьем сквозь густую зелёную траву.

За воротами порта сразу начинались поля и луга для выпаса животных. Все они огораживались естественными насаждениями – терновником.

Терновник высаживался по периметру всех полей и лугов. Сейчас он цвёл нежно-жёлтыми цветами. Издали, посмотрев на эти естественные изгороди, можно было подумать: «Какое это красивое растение. Как оно похоже на женщину своей нежной расцветкой». Но когда подойдёшь ближе к нему и присмотришься к этим цветам, то поражаешься: а и в самом деле женщина. За невинностью и нежной красотой ярко-жёлтых цветов тебя подстерегала опасность. Изнутри, из-за каждого цветка, торчали громадные шипы.

Да! Через этот естественный забор из терновника вряд ли кто проберётся. Только внизу, где ветки не доходили до земли, можно проползти, да и то не человеку, а мелкому животному.

Я шёл не спеша, разглядывая зелёные луга и цветущий терновник. Дождь перестал. Я даже сложил зонтик и с удовольствием вдыхал тёплый влажный воздух, пропитанный запахом разнотравий.

За зарослями терновника проглядывала зелень лугов, а в просветах этого естественного забора виднелись пасущиеся или лежащие коровы, вяло жующие жвачку. На других лугах паслись овцы.

Неожиданно эту идиллию нарушило какое-то шевеление под кустами терновника. Я остановился и пригляделся, надеясь, что мне это показалось. Но нет. Из-под кустов выскочил заяц. Я застыл, чтобы не спугнуть ушастого. Заяц пошевелил ушами, повертел головой и вернулся обратно на луг,

проскользнув под нижними ветками терновника. Вероятно, травка на лугу его больше привлекала.

Слева от меня раскинулись распаханное поля, уже чем-то засаженные. Я перешёл на другую сторону дороги, чтобы посмотреть на пашню. А и в самом деле, на ней проклёвывалась какая-то зелень. Или мне это только показалось?

На свежей пахоте виднелись цепочки заячьих следов. Кто-то из этих длинноухих, наверное, пересекал дорогу, чтобы побегать и поноситься по просторам пашни, а потом вернулся обратно на правую сторону дороги, на луга.

Дорога пошла немного вверх, но я так же не спеша продолжил свой путь, не обращая внимания на начавшуюся морось. Но это уже был не дождь. Воздух настолько пропитался влагой, что мельчайшие капельки воды так и висели вокруг меня в воздухе.

Комбинезон я надел плотный и тёплый, надёжно защищающий меня от влаги. Как я работал в нём в машинном отделении, так и вышел с судна, не переодеваясь. В рабочих ботинках, в бейсболке, которыми нас снабжали бензовозы, и с зонтиком под мышкой.

У водителей бензовозов всегда можно было выпросить пару кепок, кружку для чая, какой-нибудь проспект, ручки – всякую мелочь, которую им то ли давали для рекламы, то ли она у них как хлам валялась в машинах.

Бензовозы бункеровали нас раз в месяц дизельным топливом. Иной раз с водителями этих бензовозов я подолгу бол-

тал. Мужики попадались самые разные – простые и обыкновенные. Без всяких выкрутасов. Поэтому мы свободно говорили о политике, о личных переживаниях, о жизни в стране. Вообще обо всём, что придёт на ум во время непродолжительных бункеровок.

Так что, идя вдоль дороги, я не чувствовал ни холода, ни мороси. Ничего. Шёл себе и шёл, ни о чём не думая.

Мне так хотелось побыть в тишине, мне так её не хватало! За последние месяцы я очень устал от постоянного шума работающих механизмов, вибрации и постоянной качки, и моей мечтой было спрятаться от всего этого.

А сейчас здесь, среди полей и лугов, меня радовало, что вокруг не было ни проходящих машин, никакого постороннего шума – ничего. Вокруг стояла только тишина.

Я остановился и присел на придорожный столбик, который не знаю для чего торчал у обочины. Километровые столбы (здесь они отмеряли мили) стояли чуть поодаль, а это был обыкновенный столбик. Ну, обычный столбик, который неизвестно кем и неизвестно для чего тут оказался вкопанным.

Он оказался очень удобным. Я сидел на нём и бесцельно смотрел по сторонам, выпуская дым от ароматной сигареты.

Меня окружала благословенная тишина и спокойствие. Душа как будто начала оттаивать. Затушив окурок, я поднялся и пошёл дальше. В обволакивающем меня тумане и сетке мороси слышался только хруст моих башмаков об обочину

дороги, засыпанную гравием.

Я шёл, шёл и шёл. Ни о чём не думая, только наслаждаюсь долгожданной тишиной и воздухом, насыщенным влагой и пропитанным ароматом разнотравья лугов.

Постепенно тишина стала пропадать из-за шума проезжающих по трассе машин. По мере приближения к ней гул проезжающих автомобилей становился всё громче и отчётливее. Пора поворачивать назад. Не хотелось вновь возвращаться в цивилизацию. Хотелось хоть намного, но оттянуть встречу с ней.

И вдруг! Мне показалось или это оказалось явью? Как будто сбоку от меня, чуть правее и сзади, раздался писклявый голосок:

– Ой!

У меня пронеслась мысль: «Что за хрень такая?» – но голос и в самом деле слышался сзади:

– Ой-ой-ой!

В испуге подумалось: «Ну, ничего себе! Что же это такое?» Я оглянулся по сторонам – никого нет.

Вновь подумалось: «Вот это да! Это точно крыша у меня уже едет. Как говаривал наш молодой старпом Валерка: тихо шифером шурша, крыша едет не спеша. Да... Что не спеша, так это точно, но что она у меня съезжает – однозначно».

Я остановился и осмотрелся. Что же это такое? Откуда идёт голос?

Но вокруг никого не было. По-прежнему всё было так же

тихо и спокойно. Я ничего не понял и попытался продолжить свой путь.

Но только я сделал первый шаг, как вновь послышалось:
– Ой! Ой!

Я вновь в недоумении остановился.

Странно, что это за «ой-ой» такое? И ещё раз осмотрелся. Под ногами ничего. Вдоль дороги ни спереди, ни сзади никого.

Тогда я перевёл взгляд на придорожные кусты терновника и, приглядевшись к зелени, неожиданно для себя среди жёлтых цветков одного из кустов, а точнее на его колючках, увидел небольшое жёлтое пятно.

Сосредоточив на нём взгляд, я неожиданно понял, что это не густое соцветие жёлтых цветков терновника, а какая-то жёлтая игрушка.

Сойдя с дороги и перепрыгнув через канаву, отделявшую кустарник от дороги, я подошёл к кустам и с удивлением принялся разглядывать свою находку.

Протянув осторожно руку к кусту, чтобы не уколоться, я снял с его иголок небольшого плюшевого медвежонка такого же жёлтого цвета, как и цветы терновника и поэтому сливавшегося с жёлтыми цветами кустов.

Откуда он мог здесь взяться? Я терялся в догадках.

Действительно, в руках я держал плюшевого медвежонка. Он весело улыбался и, расправив толстенькие ручки, тянулся ко мне.

Полюбовавшись на свою находку, я полушутя поинтересовался у найдёныша:

– Чего кричишь?

А он, как будто в ответ на мой вопрос, кивнул головой и махнул мне в ответ ручкой.

От таких действий нового знакомого я опешил. Это что? Явь или глюки?

Поморгав и протерев глаза, я вновь посмотрел на странного незнакомца. Я никак не мог сообразить, слышал я его голос или нет. Правда это, что со мной происходит, или мне всё это кажется? Разговаривает этот зверь со мной или это уже у меня в голове точно что-то шуршит?

Но всё-таки мишка оказался реальностью, и он действительно застрял в иголках куста терновника, ветви которого под воздействием небольшого ветерка слегка шевелились и издавали то ли шелест, то ли скрип.

Мишутка сидел на иголках. Это точно. Он не упал, а задержался на иголках терновника, когда кто-то его выкинул из проезжающей машины, поэтому и висел там.

Разглядывая свою находку, я непроизвольно подумал: «Вот это да! Если кому рассказать, то не поверят же. Точно посчитают, что у „деда“ крыша поехала».

Но чем больше я его разглядывал, тем больше он мне нравился. Каким же он оказался красивым и хорошеньким, но только абсолютно мокрым.

Медвежонок весело улыбался мне. Глазки у него были

весёлые и довольные, оттого что я нашёл его, и он теперь не пропадёт, поэтому настроение у меня само собой приподнялось и хандра, последние дни не оставляющая меня, куда-то исчезла.

Разглядывая свою находку, я непроизвольно заговорил с мишуткой:

– Привет. Ты что тут делаешь? Как ты тут оказался?

А он, как будто поняв меня, в ответ махнул лапкой.

– Привет-привет, – слышалось мне.

– Ты что, и в самом деле со мной разговариваешь? – как с самым настоящим существом, понимающим меня, заговорил я. – Ну, говори, говори.

От произошедшего мне как-то стало тепло и спокойно. Значит, с кем-то и в самом деле можно будет поговорить в трудную минуту.

– Да ты весь мокрый и холодный, – посетовал я. – Иди ко мне поближе. Погрейся. Друзьями с тобой теперь будем.

Я расстегнул ворот комбинезона и положил мишутку к себе на грудь. Пусть согреется и обсохнет.

На трассу идти как-то сразу расхотелось. Не хотелось вновь очутиться в объятиях цивилизации, хотелось хоть немного оттянуть встречу с ней.

Заглянув за отворот комбинезона, я посмотрел в глаза спасённого мишутки. Вижу, а у него сбоку прицеплена какая-то бирочка с надписью. Надев очки, чтобы разглядеть надпись, я прочёл: «Нельсон».

– Ха! Так тебя что, Нельсоном зовут, что ли? – удивлённо спросил я.

Мишутка в ответ как будто даже подмигнул мне.

– Вот это да! Ну и нормально! – От изумления, что меня вновь поняли, я покрутил головой: – Ну, привет, Нельсон. Пошли назад, будем вместе куковать на нашей «Кристине». Будешь жить у меня, я тебя отопрею, высушу, и ты будешь у меня всегда в тепле. Будешь говорить мне хорошие слова. Утром будешь говорить «Доброе утро!», вечером – «Спокойной ночи!». Давай будем друзьями?

Мишутка, как бы согласившись со мной, опять подмигнул мне и утвердительно кивнул головой.

«Да, «дед», тебе точно пора домой, под бочок к жене, – вновь невольно подумалось мне.

– Но какой ты хорошенький! Какой замечательный! Я тебя тут не оставлю. Пошли домой. – И, застегнув поплотнее комбинезон, чтобы Нельсон смог согреться, я развернулся и пошёл обратно к порту.

Уже не обращая внимания на окружающий меня пейзаж, я снова подумал: «Вот это да! Надо же! Или мне это всё кажется, или Нельсон и вправду со мной разговаривает? Не понимаю».

Глава вторая

Но тут же мне вспомнился случай, который случился со мной на «Бурханове».

Судно работало на линии Владивостока – Сиэтл. В Сиэтл мы уже сходили два раза. Ходили с погрузкой и выгрузкой в Магадане. Продолжительность рейса составляла полтора месяца. В Сиэтле я познакомился с одним мужичком, бывшим стармехом из Приморского пароходства, по фамилии Зайцев. Он жил там с молодой женой и пятилетней дочкой Машей. Как-то раз он попросил меня:

– На стоянке во Владивостоке придёт к тебе на «Бурханов» мой сын. Я с молодой женой уехал впопыхах и все свои вещи оставил в Находке. Он привезёт тебе несколько ящиков с моими личными вещами. Возьми их с собой, а я у тебя их тут в Сиэтле заберу. Если, конечно, тебя это не затруднит.

– Не затруднит, если там бомбы не будет, – пошутил я, обещая ему.

– Хорошо. Значит, я звоню сыну? – обрадовался Юра.

И когда мы пришли во Владивосток, в один из вечеров приходит на борт парень.

– Я – сын Зайцева, – представился он. – Я вам привёз ящики для папы.

– Хорошо, а что же ты предварительно не позвонил мне и не сказал ничего? – удивился я его неожиданному появлению.

нию.

– Папа мне сказал, что я могу прийти к вам в любое время, – наивно ответил он.

Мы уже стояли в порту несколько дней и я уже, грешным делом, подумал, что Зайцев не смог сообщить ничего сыну и он не приедет.

– Хорошо, давай тащи сюда свои ящики, – поняв ситуацию, разрешил я.

Так он притащил не несколько, а пятнадцать больших ящиков из-под яблок весом, наверное, по двадцать с лишним килограммов. Здоровенные и тяжеленные оказались эти ящики. Я забил ими всю ванную комнату в каюте. И плюс к тому же он принёс два свёрнутых ковра.

«Господи, – думаю, – вот это да, вот это я влетел. Что мне теперь с этими вещами делать?» А потом решил, понадеявшись на русский авось: «Да ладно, может быть, пронесёт».

Таможня во Владивостоке особо нас тогда не трясла. Семён Иваныч умер, и никто такими ловкими пальцами не лез в карманы пиджаков, чтобы оттуда достать один рубль или лотерейный билет за тридцать копеек, которые могли бы серьёзно подорвать экономику СССР. А после выявления такого преступления несчастного морячка, который по пьяни забыл вынуть из кармана советское достояние, лишали визы и возможности совершать заграничные рейсы.

Мы же стояли на линии. Вozить ни в Америку, ни из Америки было особенно нечего. Это же не японская линия, ко-

гда оттуда прут всяческое барахло, машины и всё остальное к ним в придачу.

Так оно и вышло. Никто особо нас не досматривал. По каютам таможенники не ходили. Мы заполнили декларации, принесли их в столовую, где, как обычно, собирали их при отходах. Этим дело и закончилось. Всё. Так и отошли из Владивостока.

Ну, отошли и отошли. Обычно я с утра ухожу в машинное отделение на работу, возвращаюсь в обед, после обеда опять пропадаю в машине. Вечером смотрю какой-нибудь фильм по видеку и ложусь спать. Такой режим работы и отдыха установил я для себя в течение рейса.

Но где-то дня через четыре просыпаюсь ночью оттого, что кто-то кукарекает. Странно, интересно, думаю: «Вот это да! Что у меня, крыша едет или я дурак какой-то?»

Я обошёл, осмотрел всё в каюте. Кукареканье раздавалось откуда-то из ванной комнаты. Но в ней под самый подволок стояли злополучные ящики и невозможно было понять, откуда это нечто кукарекает. Думаю: мне это кажется. Положил голову на подушку, заснул – и всё. Больше не слышал кукареканья.

На следующую ночь произошло то же самое. А каждый день, приближаясь к Америке, мы переводили часы – на один час через два дня. Получается, что в первый раз оно закукарекало в два часа ночи, потом в три, потом в четыре часа.

А из Владивостока в Сиэтл с нами решил проехаться корреспондент какой-то то ли сан-францисской, то ли сиэтловской газеты. Он неплохо говорил по-русски.

По-английски я тоже тренировался, особенно сейчас, потому что в рейс с нами пошла Галина Степановна – преподаватель английского языка.

Как она нас дрючила, бедных и несчастных! Она вычисляла, где мы можем находиться, ловила нас, и после этого мы минимум два часа проводили в её твёрдых, жёстких объятиях преподавателя английского языка. Из этих тисков уже невозможно было никуда вывернуться. Галина Степановна скручивала из нас верёвки и вбивала в нас этот английский язык со страшной силой «П нулевое», невзирая на ранги и должности.

А тут ещё и американец. Так что вбитые знания, подчерпнутые из уроков Галины Степановны, мы понемножку применяли к этому американцу. С носителем языка велись различные разговоры на всевозможные темы. Ох и любопытный оказался этот корреспондентик. В общении с ним иногда использовались слова и выражения, которые Галина Степановна вбивала в нас кувалдой. После этого они залегали в памяти глубоко и надолго.

И вот как-то утром, проснувшись от кукареканья, я поднялся на мостик и увидел там американца, тупо уставившегося в лобовое стекло.

«Бурханов», построенный в Финляндии имел длину око-

ло 180 метров. Моряки эти суда между собой называли «морковками». Судно имело ледовый класса, мощное и два мощнейших дизеля, а метровые льды для него в полярных морях он расщёлкивал, как семечки.

Сейчас мы шли на одном дизеле, соблюдая экономичный режим. Приближались к Алеутам. Штормило, баллов пять-шесть, но качки практически не чувствовалось из-за солидных размеров судна. Не выдержав тишины мостика, я обратился к корреспонденту:

– Майкл, ты живёшь в каюте прямо надо мной. Я – старший механик, если ты помнишь, – на что тот утвердительно кивнул.

Мы с ним уже не один раз вели различные беседы, в которых то он поправлял мой английский, то я его русский. Поэтому, убедившись, что он меня понимает и слушает, я продолжал:

– По ночам тебя ничего не тревожит? – На эти слова Майкл с удивлением приподнял брови. – Потому что расположение твоей каюты примерно такое же, как и моей. – Я постарался развеять его непонимание: – И туалет, и ванная у тебя находятся так же, как и у меня.

– Правда? А я и не знал об этом. Значит, мы по-настоящему соседи? – Майкл повеселевшим взглядом смотрел на меня.

– Конечно, соседи, – продолжал я. – Даже и вентиляция из туалета и ванной у нас одна. Так я вот о чём хочу спро-

силь тебя, – мялся я, как бы покоректнее задать вопрос. – Из вентиляции у тебя кукареканья не слышно?

Корреспондент широко открыл глаза и от моего вопроса они у него округлились.

– Нет, ты знаешь, у меня в туалете ничего не кукарекает, может быть, тебе это послышалось? – и он с удивлением уставился на меня.

Я подумал, что он не понял моего вопроса, поэтому попытался поподробнее рассказать о тревожащей меня проблеме:

– Ночью, то ли в два, то ли в три часа, там что-то начинает кукарекать.

– Нет, у меня в туалете ничего не кукарекает, – подозрительно глядя на меня, уверил меня Майкл.

Узнав, что у него в каюте ничего не кукарекает, я попрощался с корреспондентом и без задней мысли вернулся в каюту.

Через полчаса забегает ко мне капитан:

– Дед, ты что, совсем сдурел, что ли?! Ты что к американцу пристал? Он вообще думает, что у тебя крыша поехала, потому что у тебя там, – он постучал себя кулаком по голове, – где-то ночью что-то кукарекает.

– Ты знаешь, Валерий Николаевич, на самом деле кукарекает, – попытался я объяснить ситуацию возбуждённому капитану.

– Да не может быть, чтобы кукарекало! – так же напирал он.

– Хорошо, тогда я приглашаю тебя на концерт этого кукареканья. Давай приходи, посидим, послушаем, – я посмотрел на часы. – Ну, часика через полтора. Придёшь?

Капитан и точно пришёл в назначенное время.

Мы сидим, пьём чай, курим и ждём.

И в самом деле, вдруг послышалось: «Кукареку!» Услышав петушиный призыв, капитан подозрительно уставился на меня.

Тут уже пришла моя очередь отвязываться, и я с ехидцей поинтересовался:

– Ну что? Кукарекает? Слышишь?

– Точно! Кукарекает, – покачал головой капитан, почесав в ухе пальцем. – Думал сначала, что показалось. А оно и в самом деле кукарекает. А где оно у тебя кукарекает? – он уже с интересом смотрел на меня, забыв про чай.

– Да вон там, в спальне, – махнул я рукой в сторону спальни.

Из спальни дверь шла в ванную комнату, дверь в которую я держал открытой.

В ванной комнате находились ванна, туалет, и ещё там можно было бы и в футбол поиграть.

Капитан зашёл в ванную и остолбенел: там всё оказалось забито ящиками.

– Откуда ящики?! – возмущённо завопил он.

– Зайцев попросил привезти. – Я наивно смотрел на бешеного капитана и хлопал глазами.

– Ты что, дед, дурак, что ли?! Если бы ты влетел с этими ящиками во Владивостоке, когда таможня проверяла, пароход бы арестовали! Что ты натворил!

– Но ничего же не случилось... – с прежней наивностью пытался оправдаться я.

– Это тебе просто повезло, что они сюда не зашли, – зло сплюнул капитан. – Да... Ну, ты и дурак, дед! Ёлки-палки, вот это же надо! – От возмущения он потерял дар речи.

Но, успокоившись, поглядел на стопу ящиков.

– Может быть, в каком-то из этих ящиков что-то кукарекает? – предположил он.

– Да я вроде бы перебирал их – и ничего не нашёл, – оправдывался я.

Но кукареканье несло именно откуда-то оттуда.

Он – бац, бац, бац, ниже, ниже... Простучал по ящикам.

– Да, – говорит, радостно поднимая лицо ко мне. – Вот из этого ящика и кукарекает.

И на самом деле. Я прислушался к этому ящику. Точно! Этот ящик кукарекал.

– Да там, наверное, сингапурский будильник. Кто-то нажал кнопку на нём – и он поэтому и кукарекает, – предположил капитан.

– Да ты что?! – Меня ошарашило такое простое решение проблемы.

Вытащили мы с капитаном этот ящик, отнесли его в кладовку подальше и заперли там. До конца рейса я так его

и не трогал, не заходил в кладовку, но кукареканье в каюте прекратилось.

А когда Зайцев пришёл в Сиэтле к нам на борт, я поинтересовался:

– Что у тебя в ящике там может кукарекать?

– Да, ёлки-палки, это моя жена, наверное, будильник положила, клавишу на нём нажала – вот он и кукарекает, – над его разъяснением мы посмеялись, а капитан и говорит:

– Всё-таки одно нормально, что у тебя с башкой всё в порядке и крыша у тебя нормальная. Ты ещё не чокнулся и не дурак, хоть и в рейсе находишься больше полугода, но соображаешь ты очень хорошо.

И рассказал, что корреспондент примчался к нему и поделился:

– С вашим стармехом проблемы – у него кукареканье в голове слышно. А по нашим законам если моряк находится в море больше четырёх месяцев, то этому человеку нужно отдыхать. А вы уже больше полугода в рейсе. Обратитесь в компанию, чтобы ему срочно предоставили отдых, а то его ни один суд не возьмёт свидетелем в случае какого-либо инцидента.

Капитан, спокойно выслушав озадаченного корреспондента, успокоил его:

– Да всё нормально, мы уже нашли кукареканье, устранили причину, теперь у него нет проблем в каюте.

А перед подходом к Сиэтлу, корреспондент выбрал время,

зашёл ко мне в каюту и поинтересовался:

– Ты меня, конечно, чиф, извини за такой вопрос, но я всё-таки хочу спросить у тебя: у тебя здесь, – он обвёл каюту рукой, – больше ничего не кукарекает?

– Да нет, – успокоил я его, – мы нашли этот ящик, из которого несло кукареканье, там был будильник.

– Да, это был один из морских анекдотов, я его попытаюсь описать в своих очерках, – рассмеялся Майкл и попросил: – Если ты, чиф, будешь не против этого.

– Напиши, – разрешил я ему.

Мы тепло распрощались. Но описал ли этот случай Майкл, я не знаю.

Глава третья

И вот, пока я гулял с Нельсоном, этот случай непроизвольно вспомнился мне.

«Но, чтобы медвежонок разговаривал со мной, а я это слышал – вот что странно. Это тебе не ящик перетащить», – рассуждал я.

На судно я возвращаться не торопился и ещё долго гулял с Нельсоном по густым рощам рядом с портом. Хозяева засадили их различными деревьями, собранными со всех континентов мира, и, бродя по ней, я наслаждался их видами.

Хозяева ухаживали за деревьями. Проложили многочисленные дорожки и тропинки для прогулок, по которым я долго бродил. Не знаю, нарушил ли я этим ирландские законы о частной собственности, но за прошедшие почти полгода меня никто не остановил и не сделал замечания по поводу моего несанкционированного проникновения на чужую территорию.

Вернувшись на «Крестину», у трапа я никого не обнаружил. Следов вечернего отдыха под тентом тоже не наблюдалось. Вахтенный матрос – филиппок сидел где-то в каюте. Ужин я прогулял. Но Кразимир оставил мне кое-что. Я залез в холодильник, сделал себе бутерброд и разогрел в микроволновке ужин. Поужинал и поднялся в каюту.

Посадил на иллюминатор Нельсона со словами:

– Ну, Нельсон, всё. Теперь мы будем вместе с тобой путешествовать. Будем вместе работать. Теперь ты будешь моим товарищем. Постарайся всегда создавать мне хорошее настроение. Ты согласен?

Нельсон как будто вдруг моргнул глазами и кивнул головой: «Да, согласен».

Вот тут у меня и в самом деле непроизвольно вырвалось:

– Вот это да!

Сняв комбинезон, я принял душ и лёг в кровать. Наверное, это был один из тех редких случаев за последние почти полгода, когда я ложился раздетым в постель.

Обычно я спал не раздеваясь, на диванчике или в своём знаменитом кресле в ЦПУ.

***

Первый месяц на «Кристине» был для меня самым настоящим кошмаром. Комбинезон я вообще не снимал. Спал где придётся. Комбинезоны я только менял. Один на мне, другой стирается, а остальные сушатся. Как-то раз старпом Валерка заскочил в ЦПУ и, увидев меня, скорчившегося на стульчике за столом, предложил:

– Дед! А не сделать ли нам для тебя достойное лежбище?

От его предложения я отказаться не смог.

– Но как это сделать? – Меня озадачило Валеркино предложение.

– Не переживай. Всё сделаем быстро. – Валеркин энтузиазм меня всегда поражал.

При первой же стоянке в Авенмаусе Валерка попросили Майкла, чтобы тот отвёз его на ближайшую автомобильную разделку.

Майкл – пенсионер. Ему далеко за семьдесят. Он одинок и скрашивает свою жизнь тем, что ходит по судам и помогает морякам. Просто так, от души. Помогает – и всё. Я ему иной раз наливаю за его доброту по паре канистр дизельного топлива, которым Майкл заправляет свой «Лэнд Ровер». Денег у Майкла достаточно. Поэтому и машина у него очень даже приличная.

Майкл отвёз нас на разделку, где мы за несколько часов отыскали пару шикарных автомобильных кресел. Хозяин разделки – конечно не бесплатно, но по божеской цене – отдал нам эти кресла и привёз нас с ними обратно на судно.

У Валерки появилось занятие. Он несколько вечеров пил и строгал постаменты для добытых кресел. Одно из них он установил на мостике, а другое – в ЦПУ.

Кресло и в самом деле оказалось шикарным. Оно крутилось на триста шестьдесят градусов, регулировалось по высоте и по ширине. Его можно было поддуть и отрегулировать наклон спинки и подголовника или разложить, как кровать. Вот тут-то и наступили мои блаженные вахты. Я мог и сидеть и лежать и, иной раз во время длинных переходов по Бристольскому заливу, даже оставаться в ЦПУ и не поднимать-

ся в каюту.

Иной раз Кразимир приносил мне еду прямо в ЦПУ, так как покинуть его не было никакой возможности во время длительных отходов из Авенмауса или подходов к Ватерфорду. Видя, как я мирно дремлю в разложенном кресле сваленный усталостью, он не будил меня, а оставлял тарелки с едой на столе.

Из-за постоянных отходов и приходов я проводил большую часть времени в машинном отделении, где осуществлял пуски механизмов и постоянно контролировал, и обслуживал их.

У меня не было ни моториста, ни механика, ни электрика. Всё приходилось делать самому. Самому всё мыть, красить и заниматься ремонтом. Так что в машинном отделении я, иной раз, ходил по плитам без обуви, в носках, не опасаясь их испачкать. Такая в машине я поддерживал чистоту. Хозяин после двух месяцев моей работы посетил судно и, увидев такую чистоту, даже поднял мне оклад почти на двести долларов.

Но бывали и грязные работы, после которых приходилось всё заново перемывать. А если приходилось произвести какой-либо ремонт, то мне помогали или старпом, или Ромио.

Ромио работал со мной на предыдущем моём судне, балкере. Длина того балкера была 250 метров. Не чета этой «Кристине» с длиной в сто метров.

При ночных отходах из Авенмауса, да ещё и во время

прилива, то моё нахождение в ЦПУ продлевалось часов на шесть, потому что отливы и приливы в Бристольском заливе достигают девяти метров. А против прилива «Кристина» ползла по девять узлов вместо девятнадцати по отливу.

А если ночью на ходу срабатывала какая-нибудь сигнализация, а я в это время находился в каюте, то приходилось стремглав лететь в машину для устранения причин этого срабатывания.

Поэтому-то и находиться большее время суток мне приходилось в этом знаменитом кресле в ЦПУ, а не в каюте. Я был очень благодарен Валерке за его заботу обо мне.

***

А тут – в кровати, на свежих простынях – я моментально уснул, как будто провалился в глубокую и тёмную яму. Только утром сквозь сон услышал, что звонит будильник.

Неохотно покинув нагретую постель, я поднялся, протёр глаза и пошёл умываться. Нельсон так же, улыбаясь, сидел на иллюминаторе. Я помахал ему рукой:

– Привет, Нельсон! Как дела?

Он как будто понял меня и улыбнулся своей весёлой и обаятельной улыбкой.

До конца контракта оставалось почти два месяца. В зависимости от того, как наше круинговое агентство пошлёт мне

замену.

Надо было собрать все силы и продержаться оставшееся время в чём ежедневно и помогал своим присутствием мне Нельсон.

Глава четвёртая

Тяжело давался мне этот рейс. Ой как тяжело.

А начиналось всё очень хорошо.

Агентство купило мне билет до Москвы, а из Москвы в Лондон. С полётами всё прошло без задоринки, и я легко добрался до Лондона.

Выхожу в Лондоне из самолёта, тут же проверка. Таможня. Таможенник спрашивает:

– Вы зачем сюда приехали?

– У меня письмо есть от компании, я приехал на судно, – и достал из портфеля сопроводительное письмо.

– Вы на работу приехали? – задал второй вопрос таможенник, прочитав письмо.

– На работу по контракту на судно, – подтвердил я.

– Понятно, – не меняя выражения лица зафиксировал таможенник и шлёпнул мне в паспорт печать.

Всё, допущен в Англию без права на работу на берегу, без права найма на работу.

Прочитав надписи на печати, мне только и оставалось, что поблагодарить этого невозмутимого таможенника:

– Большое спасибо, сэр, – забрать паспорт и выйти из здания аэровокзала.

Телефон агента мне дали ещё во Владивостоке.

Из первой же будки я позвонил агенту и доложил, что я

уже приехал и что нахожусь в Хитроу.

На календаре двадцать четвёртое декабря, головная боль по устройству какого-то старшего механика никому не нужна, поэтому агент постарался отфутболить меня:

– Садись на автобус и езжай в Бристоль, – разобрал я из телефонной трубки, из которой в основном слышались только детские крики и смех.

– А где тут автобус? – невольно вырвалось у меня. – Я первый раз в Англии. Ничего здесь не знаю.

– Не переживай, чиф, – попытался успокоить меня агент. – Всё будет в порядке, только ты выслушай меня, – и начал объяснять мне мои последующие действия: – Перейдёшь дорогу и иди направо, там увидишь автобусную остановку. Купи себе билет до Бристоля. До Бристоля и поедешь. В Бристоле возьмёшь такси и поедешь в Авенмаус. Там в порту тебя ждёт твоя «Кристина О». Понял?

– Понял, хорошо. Спасибо. – Я повесил телефонную трубку и озирался, постарался определить, куда же мне всё-таки надо двигаться.

Но ничего. Разобрался.

Обменял доллары на фунты, потому что доллары в Англии не берут, только фунты. Поменял сто долларов. Купил за восемнадцать фунтов билет на автобус, отходивший минут через сорок. И у меня ещё оставалось около 50 фунтов. Сел в автобус.

Хороший, комфортабельный автобус. Со мной рядом сел

парень, засунул наушники в уши и так два с половиной часа ехал с этими наушниками.

Напротив меня сидели две женщины. Я не знаю, что можно сказать про одесситок, их я видел в знаменитой Одессе, и мне прекрасно понятны сплетни и анекдоты про них, но тут я впервые услышал, что английские женщины мало чем отличаются от них.

Два с половиной часа они без умолку о чём-то говорили – наверное, у них был какой-то общий интерес. Они так увлеклись разговором, что вообще ничего не видели и не слышали вокруг.

А для меня была интересна сама дорога. Аккуратная, гладкая, с легко заметной разметкой и знаками и влажная от постоянного тумана и мороси. К этому мне не привыкать. Во Владивостоке с мая по июль стоит точно такая же погода.

Интересным оказалось то, что руль у всех машин английский и, естественно, движение не так, как у нас. Но и к этому мне не привыкать. Во Владивостоке почти все машины с правым рулём. И сам я езжу на такой же праворульной тачке. И не знаю даже, как бы я сел за руль леворульной машины... Как бы я на ней поехал? Интересные разъезды, развязки, а дорожные знаки вообще не отличаются от наших.

Я с интересом смотрел на дорогу, наблюдая, кто кого и как обгоняет и какие машины ездят здесь по дорогам.

Во Владивостоке к японским машинам я привык, они с таким же рулём, поэтому особо я не удивился этому, но, чтобы

движение такое... Ну, английское и есть английское движение. Хотя я и по Японии, и по Индии ездил – вернее, меня возили. Но всё равно быть первый раз в стране – всегда интересно. Обязательно найдёшь что-либо интересное.

Два с лишним часа за этими наблюдениями пролетели незаметно.

И вот мы доехали до Бристоля.

***

Я всегда вспоминаю тот случай, когда мы с Инной в Одессе спросили у одной женщины в трамвае:

– Скажите, пожалуйста, а где у вас здесь кассы, в которых можно купить билет в оперный театр?

Одесситка сразу так встрепенулась:

– А зачем вам оперный театр? – с интересом уставившись на нас.

– Ну, мы хотим оперу послушать, – стушевался я от такого неожиданного вопроса.

– Вы хотите купить билеты в оперный театр? – начала подсказывать одесситка, видя наше смущение.

– Да, мы хотим купить билеты в оперный театр, чтобы послушать, что там, в этом оперном театре, у вас есть, вот и всё.

Я пожал плечами. Ведь вопрос не стоил и выеденного яйца. Ты только скажи, где кассы, и мы тебе скажем спасибо, но так в Одессе не делается.

– Хе, граждане, вы посмотрите, они хотят купить билеты в оперный театр... – на весь трамвай, который шёл по проспекту Красной Армии, громогласно возвестила дама. – И они его хотят купить здесь, посреди улицы Красной Армии! Доехали бы до самого театра и купили их там. Это же так просто! Именно там эти билеты и продаются. Что, так трудно доехать до этого оперного театра? Тут и пересаживаться не надо. Ехай себе да ехай.

Я умоляюще смотрел на возбуждённую одесситку и пытался ну хотя бы ненамного снизить тембр её голоса:

– Женщина, – уже чуть ли не слёзно просил я разволновавшуюся одесситку, – вы можете говорить тише?

В разговор вступила и Инна, стараясь усмирить громогласную мадам:

– Но мы же просто хотим купить билеты. Вы только скажите, где это можно лучше сделать?

Тут я понял, что сейчас начнётся что-то странное и ужасающее.

Весь трамвай начал обсуждать, где нам лучше выйти и купить билеты в «ёперный» театр. Не выдержав столь экспансивных советов, я взял Инну за руку, и мы выскочили из трамвая, ошарашенные и обалдевшие от коллективных советов, которыми от всего сердца с нами делились все пассажиры трамвая, а может быть, ещё и пол-Одессы.

Трамвай тронулся, но, по-моему, одесситы ещё там и дальше обсуждали, как и где лучше купить билеты в опер-

ный театр. Я тогда сказал Инне:

– Инночка, мы тут больше так никого не будем спрашивать, потому что здесь такие люди, которые всё хотят узнать от нас и во всём нам хотят очень сильно помочь. Давай лучше разберёмся сами, где купить билеты в оперный театр.

Но билеты в оперный театр мы тогда так и не купили. В тот год театр оказался на ремонте.

***

А когда автобус остановился на автовокзале в Бристоле, чёрт меня дёрнул обратиться к этим двум женщинам, которые самозабвенно отдавались разговору всю поездку.

– Дамы, а вы не скажете, как мне можно пройти на остановку такси? – обратился я к ним с вопросом.

И тут же получил тот же самый ответ:

– А что вам надо на этой остановке такси?

Я ошарашило тем, что тут так же чётко просматривалась связующая линия между Одессой и Бристолем, которая крепкими узами братства связала два этих города навеки. У меня даже слов не хватило, чтобы передать моё удивление.

– Вообще-то, я хочу взять такси, чтобы доехать до Авенмауса, – как можно деликатнее постарался я передать им свою просьбу.

– А!.. Такси.... Послушайте! – Дамы громогласно обратились ко всем пассажирам автобуса. – Он не знает, где лучше

взять такси! Что может быть проще в этом городе. Вам просто надо завернуть за угол, и там будет остановка такси.

Англичане – люди более скромные, чем одесситы, гвалта в автобусе не получилось, но сразу с помощью ко мне обратились ещё трое человек и парень, который сидел рядом со мной. Он снял наушники, и они все вшестером принялись объяснять мне, как мне повернуть за угол, как там выйти на соседнюю улицу, потом там ещё раз свернуть налево – и там будут стоять такси. Подойти к первому из такси, которые стоят в очереди, и что сказать этому таксисту, чтобы он отвёз меня по назначению.

Выслушав многочисленные советы, я поблагодарил всех советчиков и с облегчением вздохнул, когда наконец-таки покинул автобус.

Следуя чётким указаниям шестерых доброжелательных англичан, я прошёл к остановке такси. Там и правда стояло несколько машин. Подойдя к первой машине, сказал таксисту, как мне и советовали, куда мне надо ехать.

Попутчики в автобусе поняли сразу, что я иностранец и мне трудно будет сориентироваться в чужом городе, поэтому они мне так подробно и доходчиво всё объясняли. Но тогда мне показалось, что говорили они не со мной, а скорее между собой. Когда эти две женщины разговаривали между собой, то они так тархтели, что из пяти слов я понимал едва одно. А тут они разъясняли мне всё медленно, доходчиво, и я понял все их слова.

Шофёр, узнав, что мне надо ехать до Авенмауса, сразу заинтересовался, чем я буду платить.

– Наличкой, но мне нужен чек, – разъяснил я ему.

– Хорошо, поехали, – тут же согласился водитель такси, открыл багажник, забрал у меня сумку с вещами и уложил в багажник.

И вот мы поехали в Авенмаус. Времени это заняло не больше тридцати минут, может быть, чуть больше. Когда такси подъехало к проходной порта, то полицейские в красивых высоких шапках сделали отмашку, открыли шлагбаум и на такси мы въехали в порт.

Это для меня тоже оказалось интересным моментом, потому что в наш порт на такси просто так не въедешь. Для этого нужно специальное разрешение, в которое вписывается номер паспорта. К тому же требовалось ещё заплатить деньги в кассе, чтобы въехать, взять пропуск и показать его охраннику на проходной. Процедура эта длилась минут пятнадцать-двадцать при условии, если не будет очереди на проходной в кассу, где записываешься на получение пропуска.

А тут полицейский только махнул рукой, а свободно таксист въехал в порт.

Машина объехала почти всю бухту. Как потом оказалось, это был огромный док, который запирался специальными воротами, чтобы уровень воды в доке не зависел от колебания приливо-отливных течений.

Наконец-то подъехали к доку, в котором стояла моя «Кри-

стина». Когда я впервые увидел её сбоку, то оказалось, что это небольшой парходик на два трюма, метров сто длинной, с небольшой надстройкой на корме. «Кристина» стояла у контейнерного терминала.

Таксист подъехал к контейнерному терминалу, но не смог подъехать к судну – терминал огораживался колючей проволокой. Он объехал терминал с другой стороны – и там не смог въехать в него. Там тоже въезд закрывала колючая проволока. Тогда я решил:

– Да ладно, тут весь терминал огорожен. К судну не проедешь. Я лучше сам вдоль причальной линии пройду к судну, спасибо, что довёз.

Таксист выписал мне чек, который точно соответствовал счётчику.

Всё. Мы попрощались, а таксист на прощание даже дал мне свою визитную карточку.

Я прошёл вдоль колючей проволоки, идущей вдоль причальной линии, к судну.

Подойдя к судну, я увидел спущенный трап. Только подошёл к трапу – господи боже мой! У трапа на вахте стоит Марио. Он на предыдущем моём судне работал матросом.

– Привет, Марио, что ты тут делаешь? – не на шутку удивился я.

– Привет, чиф, – приветствовал не менее удивлённый Марио. – Только сегодня утром с Филиппин прилетел.

Мы с ним обнялись, как старые друзья, а я поинтересо-

вался:

– А где капитан и стармех?

– Стармех в машине, он готовит её к отходу, потому что агент позвонил, что ты скоро приедешь. Сейчас будем отходить, капитан тебя уже ждёт на мостике. Я покажу тебе каюту, в которой ты будешь жить, а сейчас поднимайся на мостик к капитану.

Он подхватил мой чемодан и занёс его в малюсенькую каюту.

Кабюта находилась палубой выше. До неё с главной палубы вёл трап в пять ступенек.

Кабютка оказалась малюсенькой. В неё я с чемоданом протиснуться только боком. Кровать и диванчик, на котором во весь рост не ляжешь. Я поставил чемодан и портфель на него и поднялся на мостик. Ещё пара таких же трапов наверх – и уже мостик.

На мостике навстречу мне вышел здоровенный бородатый мужчина ростом, наверное, больше, чем метр девяносто. На вид лет шестидесяти. Борода с проседью. Он на хорошем английском поприветствовал меня и попросил, чтобы я принёс ему все свои морские документы. Пришлось спуститься вниз, открыть портфель и достать документы, которые требовались. Вернувшись на мостик, я передал их капитану. Тот поинтересовался, как я доехал, устал или нет. Ну и рассказал мне перспективы работы на ближайшие дни.

А сегодня как раз двадцать четвёртое декабря. Завтра –

Кри́стмас. Сегодня последний рабочий день во всём католическом мире.

– Ну а мы отходим, – с сожалением проговорил капитан и, сняв копии с моих документов, передал данные обо мне в порт-контроль.

Когда капитан всё оформил, я поинтересовался:

– А стармех где? Как бы мне с ним встретиться и поговорить?

– Он в машинном отделении. Он уже готовит машину, мы сейчас будем отходить. – Капитан уже озадачился другими проблемами.

А мне предстояло встретиться с другими.

Конечно, я от всего увиденного расстроился.

У меня последняя зарплата была три двести, а тут из-за того, что якобы Питер пошёл мне навстречу и пообещал взять на одно судно со мной сына, мне назначили зарплату в две восемьсот пятьдесят. Тогда я, скрипя зубами, сказал в агентстве:

– Хорошо, я пойду на эту зарплату, но только чтобы со мной был мой сын.

А в итоге и Лёшки со мной нет. Вместо него прислали Марио, и зарплата 2850, и контракт шесть месяцев вместо четырёх, как прежде.

Ну, что делать? Работать всё равно придётся, контракт ведь подписан. Всё! Уже поздно кукарекать.

Спустившись в каюту, я переоделся в комбинезон, спустился ещё на палубу ниже и увидел повара. Почему повара? Да потому что он был в белом халате, переднике и белой шапочке. Он приветствовал меня на русском языке. Но с каким-то твёрдым акцентом. Оказалось, что он болгарин и зовут его Кразимир.

– Кушать хочешь? – сразу поинтересовался кок.

– Пока нет. – Что-то из-за всех переживаний аппетит пропал.

– Ну, если захочешь – всё найдёшь в холодильнике. – Повар открыл большой холодильник и показал мне его содержимое.

– Хорошо, Кразимир, спасибо, но сейчас я пойду в машину, – поблагодарил я. – А куда идти-то?

– А вот сюда и иди. Иди вниз – не ошибёшься. Тут негде блуждать. Сам всё увидишь. – Кразимир рукой показал путь, куда мне надо идти на мои ближайшие полгода.

Спустившись на пару трапов вниз, я открыл дверь и вошёл в помещение, ярко освещённое флуоресцентными лампами.

Это и оказалось ЦПУ с пультом управления, но ничего в нём не было. Стол с открытым машинным журналом, какой-то непонятный стульчик и открытая дверь в машинное отделение, из которого нёсся шум работающих дизелей. Двигатель ещё не запускался, а шум от вспомогательных дизелей довольно-таки хорошо ощущался здесь.

Закрыв за собой дверь в ЦПУ, я спустился ещё ниже. Смотрю, там ходит какой-то мужик с небольшой бородкой, лет на десять старше меня. Как потом оказалось, ему было 58, а мне в то время – 48. Но ничего необычного в его виде я не заметил. Механик как механик, одетый в немного испачканный, но выстиранный синий комбинезон.

Он посмотрел на меня исподлобья и продолжал заниматься прежними делами, как будто меня здесь вообще не было. Он закачивал балласт в танки и тут же параллельно готовил к отходу машину.

Закончив очередную манипуляцию, он протянул мне руку.

Слегка напрягая голос, чтобы я его лучше расслышал, он прокричал:

– Збышек.

Я ответил на рукопожатие и, наклонившись к его уху, защищённому наушниками, тоже крикнул:

– Алексей.

А так как он работал, то руки у него были в перчатках, а у меня – нет. Поэтому я пожал его руку за запястье. Он вновь наклонился к моему уху:

– Пойди в ЦПУ, там в ящике стола возьми перчатки. А потом приходи сюда, а я тебе буду показывать, как готовить машину к отходу. – Всё это он прокричал по-русски, почти без акцента.

Я быстро сгонял в ЦПУ, где взял перчатки, и мы с ним

продолжили готовить машину к отходу.

А машина-то, господи... слова доброго не стоит. До крышек можно достать рукой. Как дизель-генератор с предыдущего моего балкера «Фредерике Зельмер», с главным шестицилиндровым дизелем MAN, у которого поршень имел диаметром девятьсот миллиметров, и высота этого MANа составляла четыре этажа жилого дома.

Когда мы в Китае дёргали из него втулку, то китаец, который залез туда обмерять её, не смог оттуда вылезти без посторонней помощи.

Эта втулка могла стать хорошей тюрьмой тому, кто попал бы туда а, если тебя там забудут, потому что из этой втулки просто так не вылезешь, то и помереть в ней с голода. Втулка имела диаметр девяносто сантиметров и у неё были полированные до зеркального блеска поверхности. В дополнение ко всему и высота этой втулки составляла три с половиной метра.

А тут двигатель... Одно название, что главный двигатель. Я смотрел на него с недоумением. Ну, обычный восьмицилиндровый дизель-генератор.

Вспомнилось, что ещё Питер Борчес допытывался у меня по телефону: «Ты когда-нибудь работал на МАКах? Ой, это такой двигатель! Он такой сложный! Ты сможешь с ними работать?» А сейчас я смотрел на этот дизелёк – господи, боже мой!.. И смех, и грех – главный двигатель.

Я перед отъездом на судно просмотрел историю этих МА-

Ков. На наших подводных лодках стояли точно такие же дизели, только содранные у немцев и сделанные русскими специалистами на балтийских заводах. Так что этот дизель я знал от пяток до макушки и от переда до зада, и проблем с этим дизелем у меня не должно возникнуть в будущем.

После того как мы подготовили главный двигатель к пуску, прокрутили его на воздухе и топливе и передали управление на мостик, только тогда поднялись в ЦПУ, где уже не надо кричать друг другу на ухо.

Поляк вновь представился, уже сняв с рук перчатки:

– Збышек. Сейчас мы с тобой посмотрим, как двигатель запускается с мостика, и тогда уже поговорим обо всём, – на полном серьёзе начал он моё обучение.

Двигатель работал на винт регулируемого шага, и поэтому после запуска работал постоянно при одних и тех же оборотах. Штурман же с мостика только регулировал разворот лопастей, чтобы придать судну передний или задний ход.

Для меня это тоже не явилось новостью, потому что на «Бурханов» имел такой же винт. Ничего сложного в его эксплуатации я не увидел. И для меня это не стало открытием.

Меня больше всего удивляло только одно – что в машинном отделении я буду один.

На палубе – три матроса и боцман. В кают-компании только повар. Один старший механик в машине и капитан со старпомом на мостике. Всё – это весь экипаж.

На предыдущем судне у меня было три вахтенных моториста, три вахтенных механика и два электромеханика. Электрик и два токаря-сварщика. Народу было достаточно. Но там и работы было много, на этом четырёхэтажном дизеле, да и на всём судне её там оказалось выше крыши. Там я не знал, за что хвататься в первую очередь, потому что механизмы «сыпались» один за другим. Там вместо «доброе утро» всегда спрашивали: «Что сегодня сломалось?» Настолько судно оказалось запущенным. А тут я только один. Вот это меня больше всего и озадачивало.

После проверки и запуска главного дизеля в работу мы уже спокойно просмотрели все параметры работающего дизеля. Я надел наушники, обошёл машину и ещё раз всё осмотрел, чтобы лучше усвоить полученную только что информацию.

Ну что машина. Спустился по трапу вниз – и всё, ты уже у дизеля. По трапу поднялся – и снова уже в ЦПУ, рядом с которым находилось соседнее машинное отделение, где стояли два дизель-генератора. В настоящее время они работали. Я заглянул в третье отделение. Там – тишина. Разобранный дизель-генератор лежал вверх ногами.

После обхода Збышек рассказал мне, как он обнаружил неисправность в этом дизель-генераторе и заказал все необходимые запчасти. Их сегодня привезли. И нам с ним вместе в течение трёхсуточного рейса – а идём мы сейчас в Голландию на ремонт, потому что масло вытекает из дейдвуда –

предстоит этот дизель собрать, поставить «на ноги» и запустить. И на всё это нам даётся только три дня. Столько же времени займёт и переход. И вот уже тогда Збышек уезжает на Новый год домой, а я продолжаю здесь работать в гордом одиночестве.

Так что в Голландии судну предстоит стать в док, где должны устранять утечку масла из дейдвуда. До тридцатого числа судно должно простоять в этом голландском доке и произвести все запланированные ремонтные работы. А тридцать первого запланирован отход из Голландии обратно в Англию, чтобы третьего января вновь стать под погрузку в Авенмаусе.

После отхода от причала пришлось ещё шесть часов сидеть в ЦПУ, обеспечивая безопасный проход в док, из дока и вдоль всего Бристольского залива. До выхода из всех зон разделения в свободные воды. Только тогда от капитана с мостика поступил приказ:

– Останавливать вспомогательные дизели. Вводить главный двигатель в ходовой режим.

Збышек показал мне, как всё это делается. И только тогда мы уже вышли из машины. Было далеко за полночь.

– А где мне можно помыться? – поинтересовался я у Збышека.

– Вон там есть душ. Иди и мойся, – показал он пальцем на каюту за углом и важно добавил: – У меня в каюте есть

своей душ. И он только для меня. А вот когда уже будешь стармехом вместо меня, то и будешь в нём мыться, а сейчас я буду в нём мыться только сам.

Что ж пришлось идти мыться в общий душ. Каютка, где мне предстояло ночевать, оказалась настолько маленькой, что мимо стола и кровати я проходил только боком, на диване – мог только сидеть, а спать на кровати – поджав колени.

Воспользовавшись советом Збышека, я помылся в душе, который находился за углом.

На кровати лежали брошенная простыня и подушка с наволочкой. Одеядло я нашёл в небольшом шкафчике, прикрепленном над кроватью. Чемодан мой никак не помещался в этой миниатюрной каюте. Я бросил его на диван, лёг, скрючившись, на кровать и уснул.

Через несколько дней «Кристина» и в самом деле пришла в Роттердам и встала в док.

***

Нельсон долго со мной путешествовал. Он перебивал со мной почти на всех моих судах. И всегда в трудную минуту подбадривал меня своей улыбкой. А иногда, в особенно тяжёлые моменты, он мне дружески подмигивал, стараясь поддержать меня и придать силы для преодоления трудностей в жизни судового механика.

Он до сих пор всё время находится со мной. Правда,

его место обитания сейчас не каюта моего очередного судна, а всего лишь шкафчик с парфюмерией. Каждое утро я открываю этот шкафчик, чтобы достать флакон одеколона и протереть им лицо после бритья.

Открывая шкафчик, я всегда говорю своему старому другу:

– Привет, Нельсон.

А он задорно мне подмигивает и желает удачи на весь сегодняшний день. Я закрываю шкафчик, оставляя там Нельсона, а сам, подбодрённый его улыбкой, иду заниматься своими делами.

Владивосток, август 2014

«Lady Bella»

Жизнь судового механика

Я метался по судну в препаршивейшем настроении.

После ужина пошёл на бак, на вечернюю прогулку. Разделся, попытался сделать зарядку. Но ничего не получалось. Движения вялые, а мысли витали совсем в другом измерении. Легкий, освежающий ветерок и лучи заходящего солнца, настроения не исправили.

Судно, потихоньку переваливаясь с борта на борт, шло по дуге большого круга на северо-восток. Сейчас оно шло резвее и дым из трубы не валил, как прежде.

Конечно, столько труда пришлось приложить, чтобы довести этот двигатель до ума. Попередёргали все поршни, заменили все форсунки. Руки до сих пор ещё не отмылись. А уже десятый день как топаем на Перу.

***

Да, уже больше недели, как я попрощался с Инночкой. А как будто это было вчера.

Ещё в глазах стоит её появление в каюте. Хотя я ждал....

За месяц предупредил капитана, этого" филиппинского царька», что моя жена приедет на судно. Он же «замылил» мой рапорт. Пришлось звонить из Манилы и из Джанзягана в офис. Вести переписку с Питером Борчесом, слать телексы. И всё это под ироничным взглядом филиппинского капитана. А когда пришли в Гонконг, то Пол Хьюзбомер с Аспиналем сделали невинные глаза:

– Чиф, где же твоя жена, почему её еще до сих пор нет на судне? – ну что им на это оставалось сказать?

– В Тяньцзын приедет, – только и хватило буркнуть в ответ.

Четыре дня до Тяньцзыня казались вечностью. Но вот мы уже и у причала. Скидываю робу, моюсь, стараюсь смыть пот и грязь. Ведь сегодня пришлось изрядно поработать.

Кондиционер, как назло, «полетел». Короче, сломался. И теперь на судне стояла жара. Находиться в надстройке днём невозможно. Попытка поспать превращалась в пытку, а если представить себе, что днём надстройка раскаляется до сорока градусов, то ночью температура в ней падала до тридцати шести и, простыни с подушкой становились мокрыми от пота.

Пол Хьюсбомер в Гонконге привёз «новый» – б/у, но японский кондиционер, после ремонта. На новый кондиционер у фирмы денег почему-то не хватило.

Эти последние четыре дня, до захода в Тяньцзинь, мы только и занимались тем, что со сварщиком Серёгой и парой

филиппков, тянули этот компрессор наверх, на третью палубу. Вручную, талями. Изготавливали и устанавливали новые трубы и тянули новые провода к ящику для автоматики. Только вот соленоидов и термостатов с ТРВ не было. Пол обещал привезти их в Тяньцзын. А как прожить эти дни в начале июля без кондиционера? Тоска!!! Филиппки и те ходят смурные. Им тоже жарко. Я спал под двумя вентиляторами весь потный и в липких простынях. Удовольствие небольшое.

А сейчас, помывшись, я вышел на причал. Агент сказал, что Инночку привезут к часу дня. Но я уже дефилирую по причалу полтора часа, а её всё нет и нет.

Понятно... Китайская «точность». Как назло, приехал шипчандлер. Пришлось идти с ним в каюту. Попутно зову своего верного Фернандо.

Как третий механик, он, конечно, хорош, но рвётся во вторые, сметая всё на ходу. Вадик – это мой новый второй механик, месяц назад прибывший из Одессы долго что-то осваивается, поэтому я был полностью уверен, что Фернандо примет всё снабжение и филиппки у него забегают, как заведённые, растаскивая его по кладовкам.

Только я сел за стол с шипчандлером, как раздался стук в дверь.

– Заходи, – кричу по-английски.

В щель просовывается какая-то китайская рожа. Ну, думаю, помощник шипчандлера. И, не обращая внимания, ли-

стаю дальше накладные. Фернандо стоит, склонившись надо мной. Но вдруг почему-то распрямился, а в каюте наступила натянутая тишина.

Дверь распахнулась и... бог ты мой! На пороге каюты стоит она.

Та которую я так ждал, та о встрече, с которой я так тщательно готовился. Та женщина, которая столь часто снилась мне долгими ночами. И вот теперь...

Нет! Это не сон! Теперь это она!

В длинных шортах, лёгкой блузке под тельняшку, только полоски намного крупнее. Каштановые волосы небрежно раскинуты по плечам и, чтобы из них не получился костёр искр, их украшала немислимо хорошенькая шляпка из соломки. Глаза удивлённо распахнуты, губы застыли в вопросе:

– Вот она Я, а ты меня опять не встречаешь!

Стул отлетает с треском, шипчанлер оттолкнут локтём. Я вскакиваю и делаю такие лёгкие, несущие меня к моему счастью, шаги.

И – вот она в моих объятьях.

Вновь я слышу аромат её волос, и её прерывистое дыхание прерываю поцелуем. Фернандо от такой картины захлопал в ладоши:

– Молодец чиф, – и, подхватив накладные и попутно шипчанлера с его помощниками, закрывает дверь.

– Я всё сделаю, чиф, – говорит он уже из-за полуприкры-

той двери.

А я заглядываю в мои зелёные озёра. Но в них буря возмущения, радости, восторга от всего пережитого, что только что произошло.

– Почему ты тут, а не там? – показывает она пальцем вниз.

Не успеваю ответить. Открывается дверь, и какая-то слащавая китайская рожа вносит Инночкины вещи. За ним следом проникли ещё пару таких же прищуренных рож.

Это они привезли моё сокровище и с ними мне надо рассчитаться.

Они встретили Инночку в Пекине, отвезли в Тяньцзин, поселили в гостинице (за её же счёт), потом привезли сюда, на судно. И за всё про всё это двести долларов.

Хотя билет на самолет от Владивостока до Пекина тоже стоил двести долларов. Но торговаться не было ни сил ни и желаний. Хотя цену можно сбить и вдвое. Подписываю не глядя бумаги, с одним желанием, лишь бы эти рожи исчезли подальше от нас.

Но даже и после их ухода уединиться не удаётся. Каюта не закрывается. Успеваю только спросить Инночку о полёте, дороге, гостинице.

Рабочий день. Что поделаешь...

Судно пришло и, если ты что-то заказал, то сделай всё сразу и сейчас же. Вентиляторы месят горячий и влажный воздух. Народу в каюте не уменьшается.

Инночка ушла в спальню. Но разделаться со всеми жела-

ющими удаётся только к вечеру. Осторожно открываю дверь спальни и заглядываю в щелку. Вентилятор гонит на неё воздух, шевеля раскинутые по подушке волосы.

Она лежит, закрыв глаза, под простынёй. Но только дверь приоткрылась чуть больше положенного, глаза, мои глубочайшие озёра, открываются. И она, как будто и не спала, встречает меня вновь тем же грудным голосом.

– Что? Уже все ушли? И ты уже полностью свободен?

Её голос... Сколько раз за последние месяцы я его слышал по телефону. А теперь вот он, рядом. И ничего не разделяет нас и не мешает. Моё хрупкое создание. Как же я истосковался по тебе.

Но на сегодня это ещё не всё.

Не надо расслабляться старшему механику. Опять раздался стук в дверь.

Это снова прибыла пара китайцев. О! Они привезли из Шанхая долгожданные запчасти для кондиционера.

Зову Вадика. Тот приходит в каюту недовольный. Я ущемил его права второго механика, поручив Фернандо приёмку снабжения.

Но настроение его улучшается, когда я объясняю ему, что как можно быстрее надо ставить привезённые китайцами ТРВ. Он моментом преображается. Понимает, что не всё так просто. Нужен Серёга.

Серёга из Владивостока. Последние три месяца я только с ним и мог говорить по-русски, пока не приехал Вадик.

Хоть он меня тогда полностью понимал и являлся моей единственной опорой, когда мы дёргали поршни и меняли форсунки. Я даже научил его искусству притирки игл в форсунках. Когда Пол Хьюсбомер узнал об этом, то чуть ли не прыгал от счастья, что таким образом он сможет сэкономить деньги на обслуживание судна.

Серёга согласен на всё. Хоть сейчас ставить ТРВ с солеоидами. Сам он тоже устал от жары, царившей в каютах. Значит, к утру всё будет готово. А утром, я заправлю, этот чёртов кондишн, фреоном и мы будем жить по-человечески, в прохладе.

А сейчас, пока Серёга устанавливает ТРВ, можно и расслабиться. Инночка достаёт селедку. Она привезла её из Владивостока, чёрный хлеб (тоже из дома!). Боже! Хоть и жара, но стаканчик холодного пивка с селёдочкой уничтожает все неудобства.

Зову Вадика. Он приносит гитару и своим несильным голосом поёт песни собственного сочинения.

Вадик – поэт. Любит свою жену. Тоже по имени Инна. Сильно скучает и в период особого упадка жизненных сил, пишет песни. Все они про любовь, разлуку, море, которое отделяет нас от наших семей и любимых.

Пару раз заходит Серёга за советом. Пиво он не пьёт. Вообще ничего не пьёт. Пришёл на судно, чтобы заработать, вот и работает.

Но вечер заканчивается. Что опять готовит нам завтраш-

ний день? Хорошего я уже отвык ждать. Опять поломки, опять неблагодарная работа механика на судне. Но сейчас со мной она, моя любовь. С Вадиком остаются лишь его песни.

Вечер заканчивается. Тихо. Мы вдвоём. Как хорошо, что в жизни бывают и такие прекрасные моменты.

Их было очень и очень много за неделю стоянки в Тяньцзыне. Хотя пришлось доделать кондиционер, дёрнуть три поршня на главном двигателе, но вечера были наши. Это и прогулки по ночному Китаю, поездки на пляж и за город и конечно же шоппинг. А куда же без него. Но самое главное – мы были вместе. Ничего не торопило нас и не разделяло. Я чувствовал любимое моё тепло. Правда, пару раз просыпался ночью в страхе. Где она? А когда видел в свете ночника любимое лицо и слышал её безмятежное дыхание, то, успокоенный, опять засыпал рядом.

Вместо филиппинского царька пришёл новый капитан-англичанин.

Каптин Брэдли. Шестидесятилетний брителиш покорил Инночку своей вежливостью, обходительностью. В Даляне он пригласил нас в китайский ресторан. А в Инчхоне мы его позвали в русский. Хотя я и был загружен работой по горло, но каптин Брэдли разрешил мне днём с Инночкой несколько раз съездить в город и отдохнуть. Тут уж Вадик отвертеться не мог. В эти периоды вся работа наваливалась на него.

Но это только возвышало его, как второго механика в глазах машинной команды и он не противился этому.

А хронометр времени так и отсчитывал, так и отсчитывал минуты до нашего расставания.

Из Инчхона судно снималось на Перу. И я иногда ловил в Инночкиных глазах затаённую тоску. Один раз она не выдержала и расплакалась.

– Опять я буду одна!

Ну а что я мог возразить? Где найти слова утешения? Ведь до Перу месяц, там месяц и назад месяц. Только тогда уже появится возможность списаться. А это произойдёт только в начале ноября. И никто с ней не повалится на пляже, никто с ней не сходит в осенний лес, никто не подарит букет цветов, только что сорванных на таёжных лугах, и не закричит:

– Мамусь, смотри какой гриб!

Опять одной до поздней осени. А там зима, холод.

– Зато, мамусь, на всю зиму у тебя будет грелка во весь рост, и ты не будешь мёрзнуть, – пытался шутить я.

– Только-то и остаётся, – сквозь слёзы смеялась она.

Каптин Брэдли разрешил мне проводить Инночку.

На следующий день планировался отход. А сегодня ей надо ехать в отель. Завтра утром у неё самолёт, а все таможенные дела надо оформить обязательно сегодня. Как хорошо, что ещё один вечер мы проведём вместе! И он оказался замечательным.

Парк Вальмидо блистал огнями, гремел музыкой, а мы находились вместе. Ничто нам не мешало гулять, смеяться и радоваться жизни вместе. Хотя нам и не по семнадцать, но всё равно... Мы ходили за ручку, любовались вечерним морем и звёздами, говорили только о своём. Мои руки и губы чувствовали только тепло моей любимой женщины. А как сегодня по-особенному на ночном небе сверкали яркими звёзды!

Лёгкий вечерний ветерок гнал дневную духоту, но для нас мы оставались только вдвоём. Никого не было рядом. И это была не Корея. Это была невероятная планета Земля, где на ней нас было только двое.

Даже в «Золотом петушке» мы специально выбрали уголок подальше, чтобы подвыпившие русские моряки не мешали нам насладиться нашим одиночеством. Я не выдержал и написал на стене фломастером: " Сегодня ты ещё со мной, а завтра будешь далеко, и никакие расстояния не помешают нам быть вместе. Всегда только твой. Механик Макаров».

В тихом ночном Инчхоне ничего не помешало нам дойти до отеля. Цветы на клумбах и деревья излучали свои ароматы в тёплую летнюю ночь. Последнюю ночь перед долгой разлукой.

Смешной кореец Мэйсон Пак рано утром подъехал к гостинице. На улице чувствовалась утренняя прохлада, а в руках я держал совсем ледяные Инночкины ручки. Я их цело-

вал и старался согреть.

Мэйсон нервничал в машине. Ему надо успеть в аэропорт в Сеуле, а я не хотел отпускать от себя свою половиночку. Но она крепилась. Только одна слезиночка выкатилась из её озёр, когда я на прощанье поцеловал столь родное мне лицо.

Я её выпил, как каплю бальзама, который должен подкрепить меня на оставшиеся три месяца. Посадил своё счастье в машину и закрыл дверь.

Мэйсон ударил по газам и только из заднего стекла машины на меня смотрели опечаленные Инночкины глаза. Она махала мне на прощанье рукой, до тех пор, пока машина не скрылась за дальним поворотом.

Всё! Опять я один. Опять судно, опять море. И только через месяц я услышу её далёкий голос, а это произойдёт только в Кальяо.

***

Поэтому и настроение было поганое. И ничего я с собой не мог поделаться после отхода. Я опять метался по судну. По несколько раз в день ходил в машину. Заставлял себя заниматься делами. Но все валилось из рук. Я всё ещё в мыслях находился с Инночкой. Я всё ещё переживал в душе наше последнее расставание.

Вот и сегодня я под вечер спустился в машину. Там Вадик достаивал вахту. В грохоте машинного отделения он только

улыбался мне, а когда я подошёл к нему, то прокричал мне в наушник что-то ободряющее.

– Вечером, – только одно понял я и утвердительно кивнул головой.

Потом я зачем-то полез в кладовку, подкрепил приспособления, понадёжнее закрыл дверцы шкафов, подвязал канистры с химией, чтобы их не раскидало, если вдруг ночью начнётся качка.

Я не знал, куда себя приткнуть, чтобы ещё сделать, чтобы эта, раздирающая душу тоска, куда-нибудь делась. В каюте не сиделось. Я вышел на палубу. Там тёплый ветерок и темнота ночи меня охладили и успокоили.

На корме, на левом борту под тентом, филиппки пили пиво. В воскресенье им дозволяется это. Что-то орал магнитофон. Но туда меня не тянуло.

Я поднялся на пеленгаторную палубу. Над головой ярко светили звёзды. Стараясь найти знакомые созвездия, я начал успокаиваться. Вот также и тогда в Инчхоне я показывал Инночке эти созвездия. Может быть, и она сейчас на них смотрит. Значит, тогда наши взгляды встречаются.

– Я смотрю на эти звёзды, и вижу твои глаза, родная. Только ты на них тоже посмотри, – сам себе уговаривал я, – от таких заклинаний отлегло на душе.

«Пойду к Вадику. Он уже помылся после вахты. Чего это он звал меня?» – само собой подумалось.

– Владимирыч! Ты где бродишь? Я уже всё приготовил.

День рождения у Инночки, – при моём появлении выпалил Вадик.

– На Альдебаране, – пробурчал я в ответ, – Но у неё же он был уже...

– Да не у твоей, у моей. Я и песню новую написал, – Вадик был весел и разговорчив. Его хандра уже прошла.

«Хорошо, что не вместе у нас крыша едет», – подумалось мне.

А стол Вадик уставил всеми вкусностями, что нашёл в артелке. Но, запасённая из Кореи бутылочка, потела, подпёртая с боку тарелкой с овощами. Картошечка с поджаренным лучком испускала ароматы.

– Ну, ты и молодец, – непроизвольно вырвалось у меня. – Принимай мои поздравления и быстрее зови к столу.

Вадик сиял. После третьей стопочки, основательно подкрепившись, он взял гитару и, многозначительно глянув на меня:

– Ну, Инночка, принимай подарок, – и начал напевать. Песня пробрала до глубины души.

Или сегодня день такой некультяпистый, то ли три пропущенные стопки повлияли, но у меня пробило слезу. Вадик почувствовал, что песня пришлась мне по душе и начал петь другую, потом ещё и ещё, а там его уже было не остановить. У меня опять защемило душу. Что-то опять кольнуло в сердце. Вадик куда-то отошёл на второй план, а я опять остался со своими мыслями.

Но, сделав над собой усилие и тряхнул головой, я постарался выкинуть дурь из головы и предложил Вадику:

– Ещё по одной, только уже за нас с тобой.

Вадик не заставил себя уговаривать, но вскоре он глянул на часы:

– Владимирыч, перед вахтой и поспать бы надо...

– Конечно, какой разговор. Работа есть работа, – я тоже посмотрел на часы.

Потом помог Вадику убрать со стола и поплёлся к себе. Туда, где всё напоминало о присутствии той неземной половинки, которой судьба одарила меня. Долго ворочался. Пришлось взять второе одеяло. Кондиционер дул на совесть, а я чуть ли не замерзал.

Будильник, как всегда, требовательно звенел, но вставать не хотелось. С трудом оторвав тяжёлую голову от подушки, я заставил себя встать. Долго выпускал ржавую воду из крана. Утром её давали только на один час. До Перу надо дотянуть на запасе воды, набранным в Корее.

– Проклятый испаритель. Чисти его, не чисти, воды так и нет, – заводя себя с утра, я никак не мог отделаться от вчерашней хандры.

Опять что-то тянуло душу. Что-то свербело в мозгу. Даже душ не улучшил настроения. Он оказался до мерзости тёплым, а вода еле-еле лилась из крана.

Так я и спустился в кают-компанию злой и недовольный.

Кэптин Брэдли ужепил чай и дымил своей вонючей сигаретой. Он улыбался и весело говорил. Но разговор что-то не получался.

Опять сейчас идти в машину, в эту жару. Опять потеть. Да ну всё это к чёрту! Ничего не хочу. Всё осточертело. Морду бы кому-нибудь набить что ли? Как бы разрядиться?

Вадик сидел в кладовке, и что-то пытался втолковать электрику Бармеджо. Я подошёл и понял, что надо. Вадик хотел сменить термостат на топливной цистерне и пытался выбрать из десятка новых термостатов, нужный. Я ткнул в тот, который подходил. Бармеджо с улыбкой поблагодарил и испарился.

– Что Владимирыч, может, допьем, что осталось? – заговорщицки предложил Вадик.

– Да ну его в баню. Итак, наверное, давление подскочило, – недовольно отмахнулся я от него.

Вадик в ответ только улыбнулся, а я поковылял к себе в каюту, чтобы переодеться в робу.

Но этого страшно не хотелось делать. Как представляю себе, что опять шум, пот... Нет! Не хочу.

«Ну что с того станет, что я после обеда пойду в эту чёртову машину? – пытался я сам себя уговорить. – Что от этого измениться? Всё равно ещё до Перу три недели».

Внутренний голос победил. Я взял банку пива, включил музыку Клаудермана и завалился в угол дивана.

«На этом месте тогда любила сидеть Инночка», – непро-

извольню пронеслась мысль.

Я потряс головой, стараясь отогнать тревожащие мысли.

Пиво, спокойная музыка делали своё дело. Тепло постепенно становилось мягким, мысли начали путаться, а я поплыл в сон...

***

«Алика» блестела свежей краской. Её глянцевые борта отражали лучи утреннего солнца и гладь голубого океана. Мотобот, тарахтя, отвалил от её борта и взял курс на «Леди Бэллу».

Та, бедная, сильно просев на корму и, чернея обгоревшей надстройкой, стояла в полумиле. Кое-где дымок ещё шёл из пустых глазниц иллюминаторов. Машины, стоявшие на палубе, ещё работали и мигали подфарниками. Вчера, покидая её борт, капитан Брэдли приказал завести их, чтобы обозначить место сгоревшего судна.

Мотобот ткнулся в борт у спущенного штормтрапа.

Мерная, небольшая зыбь то поднимала, то опускала его. Вадик первый взобрался на палубу и подал руку капитану, взбирающегося за ним.

Все разговоры как-то поутихли сами собой. Только шум моторов, работающих машин, нарушал тишину.

Подшли к надстройке. На палубе валялись обгоревшие пожарные шланги и огнетушители. Филиппки остались сза-

ди. Только капитан и Вадик обошли её. Заглянули в погру-
зочный люк на корме.

Вода, покрытая слоем мазута, зловеще плескалась внизу. Сердце Вадика сжалось. Ощущение не из приятных, когда смотришь на чёрную поверхность мертвой воды, затопившей столь тщательно вылизанное и любимое машинное отделение.

Всё! Машина затоплена. Пароход мёртв.

Палубой выше, по левому борту, остался целым навес и скамейки, где ещё вчера сидели филиппки и пили пиво. А с правого борта всё выгорело.

Палуба вздута, а цемент, покрывавший её, потрескался и волнами повторял обводы покорёженного железа.

– Если сможешь, сфотографируй, что там осталось на верхних палубах, – попросил капитан Вадика.

Вадик осторожно, проверяя каждую ступеньку наружного трапа, начал подниматься наверх.

– Да, неслабо поработал Бармеджо, – с укором себе думал он, – Ну что стоило показать ему, как вытащить термоэлемент из стакана этого чёртового датчика? А он же, зараза, ни в чём не сознаётся. Весь в топливе, ошпаренный, испуганный. В расходной то было семьдесят тонн, не меньше. И «струйка» напрямик шла на выхлопной коллектор главного двигателя. Потому и сгорели за десять минут. Ох, что-то будет? Чем всё это закончится? Что нас ждёт? – тревожные мысли пробегали в голове Вадика, пока он взбирался по по-

корёженным трапам.

В выгоревшую входную дверь он увидел иллюминатор своей каюты. Ни одной переборки. От бывших кают не осталось ничего. Только железные борта, в которых зияли глазницы пустых иллюминаторов. Вадик только и делал, что щёлкал затвором фотоаппарата.

Выше, на капитанской палубе, с правого борта, всё так же выжжено. Вадик, с содроганием сердца, начал приближаться к двери левого борта. Там находилась каюта деда.

Из проема сгоревшей двери шёл обжигающий смрад сгоревшей изоляции и пластика. От него першило в голе, перехватывало дыхание и непроизвольно возникал кашель. Приблизиться к проёму двери он не смог. Но всё равно подошёл, насколько это у него получилось и заглянул во внутрь. Стёкла иллюминаторов, на удивление, оказались целыми. Зато мебель и обшивка переборок выгорели, а от холодильника остался лишь каркас. И вдруг. Под угловым иллюминатором, там, где раньше стоял диван, там, где любил полёживать дед, там, где недавно, всегда сидела его жена, возвышалась груда пепла и сгоревших обломков обшивки, упавшей с подволока. Тут что-то резануло по глазам Вадика, да так, что сердце чуть ли не выпрыгнуло из груди. На него смотрел своими пустыми глазницами чёрный череп. Обгоревший череп, сбоку приваленный какой-то золой. Бог ты мой! Неужели это всё, что осталось от Владимировича? Что теперь сказать его жене? Ведь только это и только это осталось от него...

Механик Макаров подскочил от ужаса на койке. Неловко дёрнул обожженной ногой. Боль пронзила до мозга. Сдержав стон, он осторожно попытался положить ногу удобнее. Но она ныла и что-то в районе пальцев нестерпимо жгло. Выпив пару глотков воды из кувшина, стоявшего на крепежах переборки, он глянул со своей лазаретной гравитационной койки в ноги. Там на раскладушках мирно посапывали Вадик и Серега.

«Алика», слегка вибрируя корпусом от работы главного двигателя, мерно переваливаясь, с борта на борт, шла своим курсом. Через пять дней Япония. А там, через недельку домой.

Все-таки он будет дома не в ноябре, а в августе. Он сходит с женой в осенний лес, они искупаются в море, он соберёт самый лучший букет полевых цветов. И, прикрыв ей глаза ладонями, спросит:

– Мамусь, а что ты сейчас хочешь от своего заплутавшего счастья?

И он вновь будет слышать её радостный смех. А вот вчера услышал, как она рыдала. Зачем позвонил домой?

Хотелось сказать, что не в ноябре, а через пару недель он приедет домой. Но женская реакция непредсказуема. В ответ были только слёзы и тревожные вопросы:

– Ты живой, ты здоровый, ты не обожжён, цел?

И, несмотря на все увещевания, он не смог её ни в чём убедить.

– Ты меня всегда обманываешь. Я знаю, ты такой. Даже сейчас ты меня обманул.

Ну что сказать ещё? Ну, сделал ещё одну ошибку. Надо было звонить перед вылетом из Японии домой. Кэптин Брэдли так и сделает.

Убаюкивая, качается «Алика». Боль в ноге поутихла, и он стал опять засыпать...

***

Будильник радостно возвестил, что новый день наступил. Яркое утреннее солнце уже заглядывало в иллюминатор спальни. На небе ни единой тучки. Бирюзово-синий океан катил валы зыби и «Леди Белла» отвечала ему лёгким покачиванием. Слегка дрожа корпусом, она шла на северо-восток.

Я прислушался, различая работу цилиндров главного двигателя. Они, где-то внизу, отвечали равномерными басовито-мягкими ударами. Хорошо! Не зря поработали на стоянке. Теперь на месяц точно гарантирована надёжная работа моего «Зульцера». А там – придём в порт, вскроем, посмотрим...

Осталось всего-то двадцать дней до Кальяо. А там, в пор-

ту, я знаю, где есть телефон. Сразу позвоню Инночке. Ведь целый месяц я не буду её слышать. Наша «старушка» не имеет телефона. Хозяин сэкономил. Установил только телекс. Жаль, что не слышу её голоса. А так бы хотелось перекинуться парой слов.

Кран фыркал жёлтой водой. Побыстрее её спустив, я вымылся под душем, побрился и в свежем летнем костюме спустился в кают-компанию.

Кэптин Брэдли уже курил свою ароматную сигарету. Перекинувшись с ним парой фраз о хорошей погоде, о его отличной сигарете, о том, что осталось только двадцать дней перехода, я вместе с ним вышел из кают компании.

Вадик что-то копался в кладовке. В дверях маячил Бармеджо.

– Владимирыч, какой из этих термостатов ему дать? – как всегда, с миллион первым вопросом вместо приветствия он встретил меня.

– РТ 107. У нас же он полетел, – удивившись непониманию Вадика, я выбрал из ящика нужный термостат.

Бармеджо, получив его, сразу же испарился. Что-то, напевая себе под нос, я быстро поднялся в каюту и переоделся в комбинезон.

Машина встретила меня своим жарким дыханием, воздухом горячего железа и нагретого масла.

На крышках всё в норме, турбина свистела, как и положено ей на этих оборотах. Четвёртый механик Бакаланко уже

принял вахту и, улыбаясь, приветствовал меня взмахом руки и лёгким поклоном.

Механики за ночь в журнале ничего лишнего не написали.

Валентино, электромеханик, что-то уже колдовал у рас-предшита. Я вспомнил, что вчера я дал ему задание почистить контактор насоса пресной воды.

Внизу Фортич с Бангсалом начали красить борт. С виду они сосредоточены, в наушниках, не спеша, делали свою работу. Впереди ещё двадцать дней перехода и эту работу, по их понятиям, надо сделать качественно, т. е. растянуть её на подольше. Они, весело скалясь, макали катки в бадью. Бангсал уже успел мазнуть Фортича по спине катком. Он вечно что-нибудь чудит. Но Фортич не обижается. Он говорит, что без шутки за год контракта, у любого крыша съедет. И он в этом прав.

У выхода из машины повар Ромио вытаскивал продукты из рефкамер. Вернее, вытаскивали два стюарда, а он, как начальник, руководил ими. Я перекинулся с ним парой слов и прошёл в рулевую, из неё в углекислотную станцию. В ней стояли рефкомпрессоры.

Всё сегодня проходило замечательно. Незаметно за всем обходом пролетели два часа.

Смотрю, Фортич с Бангсалом уже стали подниматься по трапу. Что-то к себе в каюту пробежал Вадик, потом уже, по другому трапу он спустился вниз.

Кофе-тайм. Святое дело. Я тоже последовал примеру под-

чинённых и поднялся к себе в каюту. Ополоснулся из ведра, заранее запасённой водой. Переоделся в свежую футболку и шорты. На босую ногу надел тапочки. Это у филиппков в норме. Никаких носков. И со стаканом ароматного чая, принесённого стюардом, сел за стол.

Что-то Пол сегодня прислал? Капитан уже положил свежий телекс мне на стол. Вечно Полу что-то надо. Сидит себе в Гонконге и от безделья только бумажки шлёт. Ну, ничего, отпишемся, не впервой.

Неожиданно наступила тишина. Прекратилась вибрация, не слышно работы главного двигателя. Замолчал, только что включённый магнитофон. Вот это новости!

Что там Бакаланко натворил? Срываюсь с кресла, открываю дверь и чуть ли не сбиваю с ног Вадика.

– Владимирыч! Горим! – запыхавшись, выкрикивает он.

Трап вниз, к станции быстрозапорных клапанов топливных танков. Третий механик их уже закрывает.

Хорошо! Налево и по коридору вниз. Дым уже плотной завесой приклеился к подволоку. Стальная не изолированная переборка в машину пучится раскалённой краской. Отскочивший от лопнувшего пузыря кусок краски бьёт по щеке и левой руке. Не ощущая боли, стряхиваю их. Мчусь дальше вниз, ко входу в машинное отделение.

Самодельная, деревянная дверь приоткрывается и из неё на четвереньках вылезает Бакаланко. Его выворачивает. Он кашляет. Внизу от чёрного дыма чернота. Дым едкими клу-

бами заполняет этот маленький коридорчик перед рулевой. Такого чернящего дыма я ещё не видел никогда в жизни. Всё! К углекислотной станции не пройти! В коридорах темнота. Вспомогачи встали. Света нет.

– Вадик! Бегом на правый борт, к пульту CO₂! Открывай газ в машину! Я – на кап. Его там закрою, – кричу я Вадиду, бегущему за мной.

Услышав приказ, Вадик утвердительно кивнул головой и скрылся за углом.

Мчусь вверх по наружным трапам. У капа уже стоит Серёга. Он пытается подойти и отдать трос быстрого закрытия капа. Но, вырывающиеся из капа клубы чёрного дыма с пламенем, не дают этого сделать. Всё! Бесполезно! Сгорели! Как бы не случилось взрыва топлива. Переборки цистерн дизельного топлива, выходящие в МКО, не изолированы. А в них семьдесят тонн. Только в расходной цистерне пять тонн газойля.

У наружной двери с палубы к моей каюте замок испортился уже неделю назад и её закрыли на защёлку изнутри. Поэтому с палубы её не откроешь.

Пронеслась мысль: «За жилетом забежать надо!»

Серёгина каюта находится рядом у входа в надстройку по правому борту. Он ныряет в неё.

Дым в коридоре опустился уже до пояса. Вокруг темно и черно. Глубоко вдыхаю, нагибаюсь, как можно ниже, и бегу по коридору в направлении к своей каюте. Надо пробе-

жать прямо восемь метров, потом налево за углом трап наверх и в метре от него дверь моей каюты. В ней, может быть, ещё нет дыма. Добегаю до трапа, дым неимоверно ест глаза, ничего не видно. Темнота.

«А если и там наверху дым, – вновь проносится мысль. – Добежать назад дыхания не хватит. Да чёрт с ним, с жилетом», – разворачиваюсь назад и выбегаю на палубу и глубоко вдыхаю свежий воздух.

Да! Если бы побежал за документами, которые остались в каюте, то дыхания бы точно не хватило.

Ветер сносит чёрный дым с пламенем на правый борт. К шлюпке и плотам правого борта уже не подойти. Они горят. На главной палубе есть ещё один плот. Серёга выбегает из двери своей каюты с жилетом, ящиком лапши и одеялом.

– Только и успел взять, – возбуждённо, блестя глазами, орёт он.

– На главную палубу! Там плот! Давай его скидывать! – кричу ему.

Вадик выбегает из коридора:

– Какая-то падла открыла дверь из машины и весь коридор в огне и дыму. Не смог добраться до ящика дистанционки, – в бешенстве орёт он.

– Давай плот скидывать. Сейчас может топливо взорваться, Большая температура в машине, – тоже ору ему.

Рядом стоит филиппок и плачет, умоляюще протягивая ко мне руки:

– CO2. CO2. Чиф включи, пожалуйста, CO2.

– Да пошел ты на фуй со своей CO2. Где твоё место?

– У шлюпки, – слезливо мямлит он.

– Так иди и помогай её спускать, – ору я на него, видя, как остальные филиппки с капитаном во главе, все в жилетах, с личными вещами, начинают спускать шлюпку.

А мы втроём кидаемся к плоту.

Инспектор в Гонконге заставил капитана перевязать узел вытяжного троса на прессостате вместе с его слабым звеном. И сейчас плот невозможно сдвинуть с места, потому что его привязали капроновым кончиком к леерам. Узел не поддавался. Ну не грызть же его зубами! Лихорадочно ищу что-нибудь железное. Вон!

Кусок шпильки от крышки? Как я его давно хотел выкинуть за борт! Но всё руки не доходили. Теперь наше спасение здесь! Хватаю эту шпильку и луплю по этому треклятому кончику. Быстро перебиваю узел, крепящий плот к леерам, распутываем плот от паутины верёвок и кидаем его за борт. Он смачно плюхается в зеркальную поверхность воды. Только лишь держит его за судно и плот начинает раскрываться.

Слава богу! Один есть. Хочу погладить крест на шее. Но я же его снял, когда мылся! Вот невезуха! Он же остался в каюте!

Вадик с Серёгой уже бегут к другим плотам на левом борту. Я, кинув последний взгляд на раскрывающийся плот, устремляюсь за ними.

Дикая боль обжигает правую ногу. Это струя кипятка, из разорвавшегося пожарного шланга, бьёт меня. Непроизвольно из глотки вырывается душераздирающий крик боли...

***

Механик Макаров подскакивает на койке и хватается за перевязанную ногу.

– Что, Владимирыч, опять кошмары донимают? – участливо спрашивает Вадик, – Сейчас сходим на завтрак, потом возьму бинты. Сделаем тебе перевязочку, не волнуйся. До Японии пять денёчков осталось-то. А там и доктора рядом. Не переживай. Хотя и меня они донимают чуть ли не каждую ночь.

– Не говори, Вадя. И мне всякая хренотень по ночам жить не даёт, – как всегда, спокойно говорит проснувшийся Серёга.

«Алика» всё также, мерно переваливается с борта на борт. Двигатель работает мощно и ритмично. Что ж. Она новая. Ей только шесть месяцев. Не то что нашей «Леди Белле» – двадцать семь. У «Алики» всё впереди.

А «Леди Бэлла» осталась одна в океане в пятистах милях к северу от Гавайских островов, глубоко осевшая в воду кормой из-за затопленного машинного отделения, сгоревшая и брошенная на произвол судьбы.

Затонет ли она от первого же циклона? Или будет месяцами бродить по океану, как Летучий Голландец, пока её не найдут и не отбуксируют в порт на разгрузку и дальнейшую разделку. Ведь весь груз остался цел. Топливо в дизельных цистернах из-за затопления машины не взорвалось. Хоть в этом повезло.

Когда «Алика» уходила с места аварии, механик Макаров стоял на корме, и смотрел вслед этой частичке своей судьбы, брошенной в океане жизни. Слезы сами наворачивались на глаза. Но их сдувало ветром, надвигавшегося циклона. Всё-таки как много хорошего у него было связано с ней, с «Леди Беллой».

А сейчас пора ковылять на завтрак. Их повар, чилиец, изумительно готовит.

Февраль 2001. Авенмаус (Англия)

«ШАТУРА»

Жизнь судового механика (начало)

Глава первая

После четвёртого курса Лёньку направили на практику на теплоход «Шатура», который ходил на линии Находка – Магадан.

***

«Шатура» представлял собой четырёхтрумный лесовоз польской постройки примерно двенадцатилетнего возраста, экипаж которого в основном состоял из проштрафившихся моряков. Или тех, кто по каким-то причинам что-то нарушил в таможенном законодательстве при пребывании за границей, то есть где-то и когда-то напился и попался нашим доблестным органам, но только по милости администрации оказался не уволенным из пароходства. Таким «залётчикам» только прикрывали визу. То есть они потеряли право выходить в заграничные рейсы.

А чтобы вновь открыть визу, приходилось целый год отрабатывать в каботаже и проявить себя с лучшей стороны. Это с точки зрения командно-политического состава судна, а если яснее, то помполита.

Помощниками капитана по политической части становились, в основном, неудавшиеся штурманы, электромеханики, начальники радиостанций и те, кто прошёл курс обуче-

ния на специальных политических курсах в Одессе или Хабаровске.

Администрация судна, в лице капитана и партийной организации судна, только ходатайствовала о новом открытии визы молодому моряку или «залётчику», то есть мотористу, матросу, механику или штурману перед пароходством. Она писала бумаги, собирала собрания, утверждала решение этих собраний и... отправляла всё это куда-то наверх. А там уже какой-то божественный дядя решал ничтожную судьбу очередного грешника: ходить ему за границу или не бывать там никогда.

Ну а, курсантам, после нескольких лет учёбы тоже открывали визу.

Лёньке визу ещё не открыли, потому что после перевода из МВИМУ в ДВВИМУ, по мнению командира роты Геннадия Гавриловича Сысоева, он ещё не созрел для того, чтобы с честью представлять Советское государство за границей, из-за многочисленных «залётов», произошедших в его курсантской жизни.

Вот поэтому визу Лёньке ещё не открыли, даже несмотря на то, что учился он хорошо. За сессию в его зачётке иногда бывали и тройки, но в основном, её заполняли отметки выше. Но вот с дисциплиной у Лёньки постоянно возникали проблемы. А вот если бы его уличили во всех «самоволках» и остальных проступках, которые случались с ним очень часто, то, наверное, его давным-давно бы выперли из училища.

Но, слава богу, он уже окончил четвёртый курс и был направлен на индивидуальную практику. Это явилось только результатом его учёбы. Те, кто учился только на тройки, проходили коллективную практику на учебных судах «Профессор Ющенко» и «Меридиан». А везунчики, то есть отличники и даже те, кто не являлся отличником, проходили индивидуальную практику на судах заграничного плавания. Им визу открывали заранее. У некоторых из них родители находились у «власти», то есть начальниками в администрации края, города или каких-нибудь райкомах и парткомах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.